

Повторение и закрепление на уроке

Сергей Кульневич,
профессор кафедры
педагогике
Ростовского
государственного
педагогического
университета;

**Владимир
Лещинский,**
заведующий кафедрой
педагогике
Воронежского
государственного
педагогического
университета,
кандидат
педагогических наук

Как быть, чтобы ни детям, ни учителю не закиснуть в однообразии одинаковых операций? Ну, во-первых, подойдут многие приёмы, хорошо всем известные — не будем отвлекаться и множить примеры. Посмотрите их ещё раз, и вы согласитесь с нами. Да плюс ещё и другие, тоже известные, но, на наш взгляд, всё равно недостаточно применяемые в школе: кроссворды и ребусы по учебному материалу, различные познавательные игры (они широко представлены в пособиях типа «Занимательная химия», «Занимательная математика»).

Во-вторых, приведём некоторые специальные рекомендации (для нарушения «сознательно однообразной» деятельности).

Два первых приёма — с иллюстрациями из книги С. Ротенберга и А. Бондаренко.

Варьирование несущественных признаков материала

Задача: найти в треугольнике сторону, лежащую против прямого угла. Такая задача покажется однообразной при многократном повторении, так как обычно прямой угол располагают слева при основании треугольника. Расположите его справа, внизу, с наклоном, вверху — уже разнообразие. Один наш знакомый учитель при многократном решении геометрических задач (идут «сплошные» треугольники, квадраты, ромбы) вместо привычных *ABC*, *OMK* — символов, обозначающих вершины, пишет (и ребята с удовольствием подхватывают) буквы, «в сумме» читающиеся как имена: *ОЛЯ*, *АНЯ*, *ВАСЯ*. Представляете, сколько радости: «Сумма углов Иры равняется...» или «Длина сторон Пети...»?

Задание: найти (подчеркнуть) подлежащее. Десятки раз одно и то же.

Но — даются предложения: «Три смелых зверолова сидели под кустом, а кто-то на берёзе помахивал хвостом», «Поднявший меч от меча и погибнет», «Наш го-

род украшает зелёный парк». Каждое предложение «с сюрпризом»: в одном подлежащее состоит из двух слов, в другом — выражено скромным местоимением, в третьем — причастием, в четвёртом — с первого взгляда вообще не поймёшь, кто кого украшает, «парк» или «город» подлежащее.

Специалист по методике обучения русскому языку в начальных классах, доцент Борисоглебского пединститута Л.В. Исакова рассказала нам, что более половины учителей начальных классов, по её наблюдениям, стимулируют детей только к одному виду пересказа — так называемому близкому к тексту. На уроке сменяют друг друга пересказывающие дети — класс следит, «близко» или «не близко». Естественно, однообразие скоро надоедает. А ведь известны и выборочный пересказ, и сжатый пересказ, и творческий (с изменением лица, от имени героя, с включением добавок — из «жизни»...).

Но здесь мы сделаем очередную оговорку: нам бы очень не хотелось, чтобы учитель-читатель всё принимал на веру, на напечатанный текст смотрел как на катехизис. Говорим так, потому что часто слышим от учителей довод в споре: а так пишет такой-то, так напечатано там-то.

Вот и относительно пересказа в начальных классах. Ш. Амонашвили пишет, что нет ничего нелепее изложения литературного произведения своими словами. Писатель бы потерял дар речи, говорит грузинский педагог, если бы услышал, как дети калечат, искажают текст. И поэтому он благодарен своей тётке Варо, которая ученикам велела всё время пересказывать ближе к тексту и говорить словами автора. Убедительно? Если послушать, как пересказывают многие школьники, — очень. Но ведь убедительны и те, кто утверждает полезность для развития детей и других

видов пересказа. А выход, очевидно, в том, чтобы действовать «не без ума»: какие-то тексты (скажем, живые, простые, динамичные, смешные рассказы Драгунского или Носова) «поддаются» другим видам пересказа, а иные (из Гоголя или Паустовского) — нет.

Известный педагог-новатор Евгений Николаевич Ильин убеждён: в традиционной школьной связке ребёнок—учитель должно быть место для читателя. Литературоведческая работа, как и любая другая научная деятельность, не способна превратить школьника в интересующегося литературой человека. Сложности с воспитанием читательского духа в учениках испытывает, наверное, каждый преподаватель литературы. «Я нашёл ключи, то есть секреты, к интересному чтению, — говорит Евгений Ильин, — во-первых, надо дать ребёнку понять, что во время чтения его жизнь происходит вместе с жизнью персонажей. В этом и есть главное волшебство книги». Хороший учитель, считает Евгений Ильин, — артист, врач и знаток. Если он сможет поведать о книге нечто такое, чего не знает никто, у такого учителя дети обязательно будут читать. (О методах преподавателя литературы Е.Н. Ильина читайте в «СП» 2006 г. №№ 3–6, 2007 г. № 1 — примечание редакции.)

Материал выступает в новых связях и отношениях

Смысл действий учителя — каждый раз подводить к явлению с новой стороны.

Не таковы ли вопросы Е. Ильина, не таковы ли задания тризовцев: «Действует ли закон Архимеда в вязкой жидкости? На Луне? Как изменяется выталкивающая сила, если соуд с водой подогреть?» (О заданиях

по методике ТРИЗ читайте в статьях А. Гина — «СШ» 2000 г. № 6; 2001 г. №№ 1, 2, 4; 2006 г. № 1, 2.)

Авторы книги «Мозг. Обучение. Здоровье» предлагают, например, «набор» вариантов при вроде бы скучной и однообразной работе с конструкцией «придаточное предложение внутри главного». Здесь и синтаксический аспект (где располагается подлежащее и сказуемое главного предложения, когда в него войдёт придаточное? Сколько придаточных может выбрать главное?), и пунктуационный (пропуск и смещение запятой, вызывающие смысловые искажения), и лексический, и стилистический. Полезно иногда предложить ученикам опровергнуть правила, теории, выводы, которые учитель давал при объяснении нового материала.

Соревнование, конкурс

Помните, Л. Толстой предлагал своим ученикам соревнования: «Кто лучше напишет? И я с вами».

Соревнование не должно ущемлять, обижать. Оценки могут ставиться только лучшим (могут и всем, и никому), можно разбивать класс на группы (или с однородным по силам составом, или, наоборот, ребята подобраны и «сильные», и «слабые»).

Собственно, наработанных в школе разновидностей соревнования (особенно в игровой форме) предостаточно — от смотров знаний до конкурсов: КВН, «Поле чудес», «Счастливый случай», «Звёздный час» и т.п.

Индивидуализация заданий

Повторение будет интереснее, разнообразнее, если не всегда все будут заниматься одним и тем же, если даются разные задания, которые могут затем с интересом восприниматься другими ребятами — от обычных разнослож-

ных карточек-заданий до игровых равносложных (но индивидуальных).

Виктор Фёдорович Шаталов, Народный учитель СССР, разработал многоуровневую систему эффективного обучения в школе, включающую технику представления (опорные конспекты), ускорения усвоения и закрепления материала школьных программ.

Своими рекомендациями он вскрыл резервы методики обучения: освоение самых сложных предметов в школе (физика, математика) можно облегчить. Он изобрёл несколько важнейших психолого-дидактических приёмов (максимально эффективное использование времени учащихся, опорные конспекты, «плашки» и проч.).

В. Ф. Шаталов выдвинул и реализовал уникальную идею «борьбы с двойками», которую, как правило, учителя предпочитают не замечать, когда пытаются «реализовывать» некоторые методы, и тем самым не реализуют систему В. Ф. Шаталова. В его работах много оригинальных педагогических, психологических и дидактических приёмов и новшеств.

Ученики В. Ф. Шаталова получали задание по географии: отмечать температуру воздуха в Праге, Париже, Киеве, Иркутске и т.д. (у каждого «свой» город). Через некоторое время, кстати, населённые пункты разом менялись: Хельсинки, Санкт-Петербург, Якутск. Одни города расположены на 50-й параллели, другие — на 60-й. Есть ли разница? Как влияет на погоду близость океана? Большинство же наших бедных детей заняты составлением однообразных графиков температур в родном городе (один из нас «накрыл» недавно сына-шестиклассника на «месте преступления»: он по памяти, т.е. высасывая из пальца, заносил в тетрадь температуру в Воронеже сразу за месяц — расписывал, глядя в потолок, погоду за каждый день).

Выбор

Шаталовское задание может служить и примером выбора. Разница в том, что здесь принципиальная ориентация на выбор ученика: например, каждый выбирает, какое стихотворение поэта он будет учить наизусть (в отличие от привычного, все учат одно и то же), или — как делает Е. Ильин на уроках по Чехову — каждый выбирает, какой рассказ писателя будет комментировать. В.Ф. Шаталов даёт возможность ученикам выбрать среди десятков задач. Выбор, кроме того, позволяет педагогу глубже узнать ученика: и лично (выбранные стихотворения), и в отношении усвоения темы (выбранная задача, упражнение).

Назовём ещё такой приём, как составление (переработка, переделка) учебника.

Учительница педагогического лицея Т.И. Лосева в течение года давала задания восьмиклассникам подумать, что и как они изменили бы в учебнике русского языка (предлагая наиболее, на её взгляд, неудачные параграфы). Работа захватила учеников, они уже не ограничивались заданными параграфами, а предлагали свои варианты (переструктурирование частей, формулировки, примеры, примечания) и к другим.

Санкт-Петербургская учительница, Народный учитель СССР Т.И. Гончарова пишет, как потряс её в своё время факт: Льву Толстому помогли создавать его знаменитые «Азбуку» и «Книги для чтения» сельские дети его школы.

Такая работа по созданию, переделке учебников полезна ещё и потому, что учитель видит, что органично для учеников, где тот оптимум, который можно спрашивать, что в предмете содержится помимо предметной информации, что нужно развивать.

Обратим внимание также на некоторые организационные и пси-

хологические «ходы» во время закрепления (проверки), позволяющие снять утомление, скуку.

Разрядка

Разрядка особенно нужна во время утомительных закрепительно-повторительных упражнений.

Разрядка может быть краткой, мимолётной: шутка учителя, намеренная ошибка учителя (оговорился, перепутал буквы, слова, повесил плакат вверх ногами и т.п.).

Разрядка по теме. В. Шаталов предлагает ученикам очень лёгкую задачу, которую может решить любой. Виктор Фёдорович, на уроках которого решают много задач, очень заботится о том, чтобы снять напряжение, утомление, переключить ребят. Помимо занимательных математических задач, головоломок В.Ф. Шаталов предлагает на уроках самые различные одно-двухминутные игры-разрядки — совсем не математические: «Напишите за минуту как можно больше существительных с тремя буквами «о». В.Ф. Шаталов даже продумывает «выход из игры», чтобы не было конфликтов и обиженных. Впереди сидящие по команде проверяют листки сидящих сзади, а «камчадалы» берут листки с передних парт.

Вот ещё двухминутная игра.

Учитель разворачивает плакат:

1. Столичный или областной город.
2. Река.
3. Растение.
4. Животное (млекопитающее).
5. Рыба.
6. Птица.
7. Съестной продукт.
8. Предмет домашнего обихода.
9. Имя (мужское или женское).
10. Профессия.

Ученикам надо написать соответствующие слова, только чтобы все начинались на букву «к».

(Сначала надо обязательно поиграть самому учителю: есть буквы, выбрав которые, можно заполнять табличку до конца урока.)

Мы на своих уроках в течение многих лет практикуем подобные короткие игры-разрядки.

Составить за минуту как можно больше слов из другого слова (*холодильник: холод, ход, конь, иннок, дол, лик и т.д.*). Когда в эту игру стали играть в телевизионном «Звёздном часе», наши ученики гордо возмущались неумелостью телеигроков.

Назвать (написать) за минуту фамилии выдающихся людей, скажем, на букву «М» или на две первые буквы «Ма» (Маршак, Матисс, Маяковский, Максвелл и т.д.).

Учитель (или кто-либо из учеников) задумывает имя знаменитого человека; задав 15 вопросов, надо угадать, кого (выработали алгоритм вопросов: мужчина? живой? искусство? Россия? и т.д. — отвечать можно только «да» или «нет»).

Надо сказать, помимо «разрядочной» функции эти игры очень развивают ребят. Многие, чтобы достойно выглядеть, заглядывают в словари, энциклопедии.

Разрядка может направленно «работать» на другой предмет (ведь и некоторые упомянутые игры ориентированы на русский язык — слова с тремя «о», только незаметно). А вот такая разрядка — написать за минуту как можно больше английских слов, начинающихся с определённой буквы (или обозначающих животных и т.п.), открыто повышает престиж иностранного языка (да ведь и является повторением по английскому).

У «сухого» и строгого Игоря Петровича, учителя математики из нашего лицея, есть любимая разрядка. Между решением задач он просит учеников объяснить значение, как он их называет, «красивых иностран-

цев» — иностранных слов, употребляемых в нашем языке (альянс, мизантроп и т.д.). Предварительно он вывешивает списки таких слов. Сначала учителя шутили, что «каждый сходит с ума по-своему». Потом радовались тому, как обогатился словарь лицеистов, потом просили у Игоря Петровича списки — далеко не все теперь могли понять словечки, ловко ввёрнутые в ответ учениками.

Мы присутствовали на трёх подряд уроках в одном классе учителя информатики А. Ф. Гройсмана. Все уроки были достаточно напряжёнными. На первом, когда ребята устали (Александр Филиппович это моментально почувствовал), учитель «вдруг» говорит: «Вот я всё думаю (ребята сразу заулыбались: шутки, подначки, любимые логические задачки Гройсмана начинаются с этих слов, произнесённых скрипучим, скучным голосом с очень серьёзным видом), вот я всё думаю: взрослый и ребёнок сели в лодку и поехали удить рыбу. Взрослый сказал: «Ты мне сын, но я тебе не отец». В каком же родстве этот взрослый с ребёнком? Между прочим, вычитал из книжки для детей первого класса». Александр Филиппович засекает 10 секунд, не получив ответа, говорит: «Всё, время истекло, спросите дома у младших братьев и сестёр».

На следующем уроке опять: «Вот я всё думаю... Взрослый и ребёнок вместе делали модель суперреактивного истребителя МИГ-115 («Такого нет, Александр Филиппович!») — «Нет? Ну, пусть будет 116»). Ребёнок говорит взрослому: «Ты мне отец, но я тебе не сын». Кто же ребёнок отцу? Тоже для первого класса». Несколько голосов в ответ: дочь. «Ага, — улыбается Гройсман, — точно: ребёнок — дочь».

А на третьем уроке, когда учитель начал «Вот я всё думаю», кто-то тут же

в смешливом ожидании запротестовал: «Только не про родителей с детьми». «Нет, — сказал Александр Филиппович, — не про родителей... «Ты мне внук», — сказал взрослый. «Но ты мне не дедушка», — ответил мальш. Кто же мальшу взрослый?» «Бабушка», — хором выдыхает класс, а Александр Филиппович, смеясь вместе со всеми, обещает: «Всё, это последняя, больше про родственников не буду думать».

Эта атмосфера шутивого дружелюбия, свободной (необидной) иронии пронизывает все уроки А.Ф. Гройсмана.

Несколько интересных мелочей из опыта, может быть, и спорных, но интересных. В. Ф. Шаталов изредка практикует между учениками на уроке обмен тетрадами, объясняя так: в чужой тетради стараются больше. Он же предлагает, когда на уроке решается много задач, условия записывать так: задачу (пример), которая будет решаться первой, писать ниже всех, последнюю на очереди — выше всех на доске. Трудно держать в поле зрения 3–4 других примера, а именно так получается при обычной записи.

Когда класс выполняет письменную работу (да и во время объяснения), Е. Ильин предлагает учителю ходить по классу, подходить к ученикам, каждому оказывая внимание, создают комфортные условия, «ситуация... дружбы». Большинство же учителей считают, что хождение отвлекает внимание учеников, а во время самостоятельной работы приближение учителя пугает и сковывает. Видимо, всё зависит от отношений.

Е. Ильин советует ученикам при ответах (и сам так делает, выступая) начинать разговор, обращаясь к последним партам («Тогда и серединка зашевелится»), а уж потом «увидеть» первые, а не наоборот, как мы делаем обычно.

Кстати, чтобы при ответах товарищей остальные следили, думали, работали, также наработаны определённые приёмы. Многие из них хорошо известны, но, к сожалению, нечасто применяются. Один ученик отвечает, остальные... Учёный-психолог Л.М. Фридман приводит данные опроса учеников (500 человек): о чём думали, чем занимались во время ответов товарищей? Следили за ответом около 15% ребят, больше половины (почти 54%) думали о разном, но не о предмете. Что делать, чтобы вернуть эти 54%?

Самые простые способы. Дать задание остальным перед выступлением товарища быть готовыми процензировать его ответ.

Ученик пишет на доске, остальные в тетради... списывают. Чтобы так не произошло, поверните доску или (если не поворачивается) загородите пишущего ширмой (метод «закрытой доски» описал психолог Ф.Н. Гоноболин).

К доске выходят одновременно несколько ребят и решают одну и ту же задачу (пишут одно упражнение). Класс не знает, у кого списывать, — надо пробовать самим. Впрочем, одна опытная и весёлая учительница, услышав об этом приёме, заметила: «Умный человек найдёт, у кого из нескольких списать». Может быть. Однако согласитесь, всё же интересно сравнивать, следить за таким вариантом.

Сначала задание (задача, упражнение) даётся для самостоятельной работы. Когда сильные ушли вперёд, к доске вызывается слабый, отставшие работают вместе с ним и учителем.

Очень коротко о контроле и оценке. Смысл лучших, с нашей точки зрения, рекомендаций сводится к тому, чтобы проверять как можно чаще (не значит строже), и проверять не только самому (учителю), а

чаще использовать взаимопроверку и самопроверку.

Там, где применяются опорные схемы, проверка происходит регулярно и гласно (и В.Ф. Шаталов, и его последователи заносят результаты в специальные «экраны», «листы» и т.п.). Плохие отметки всегда можно исправить. В этом аспекте опыт новаторов прекрасно обобщил в книге «Педагогический опыт глазами психолога» Л.М. Фридман. Но в директивном порядке к такой системе всех не приведёшь (да и не надо, не нужна она всем), а на некоторых предметах это и невозможно.

Какие же полезные, интересные приёмы контроля и оценки можно найти в опыте учителей? Мы не претендуем на полноту, а руководствуемся, с одной стороны, общей идеей, с другой — субъективными взглядами.

Взаимопроверка

Работа в парах: короткий (3–4 минуты) ответ товарищу. Весь класс разбивается на пары, на каждом уроке — разные. «Учитель» в паре ставит оценку в классную тетрадь и расписывается.

У В.Ф. Шаталова: сильные ученики-консультанты после трудного задания по команде подсаживаются к слабым, чтобы воспроизвести решение разобранной задачи. Практикуется не чаще раза в месяц, иначе — иждивенчество.

У Е.Н. Ильина: взаиморецензии на сочинение. Взаимопроверка по алгоритму. Алгоритм образуется так. Первое, что оценивается, — наличие или отсутствие бессмыслицы (по Пушкину: «Есть два рода бессмыслицы: одна происходит от недостатка чувств и мыслей, заменяемого словами, другая — от пол-

ноты чувств и мыслей и недостатка слов для их выражения»). Е. Ильин обозначает эти бессмыслицы «Б-1» и «Б-2». Потом пункты. 1. Анализировать — это объяснять, а не пересказывать. 2. Где нет главной мысли, там нет и не может быть правильного отбора материала. Затем знаки: к.с. — красная строка, н.с. — неточное слово, р.п. — резкий переход, ф.о. — фактическая ошибка и т.д. Все обозначения вывешены на плакатах в кабинете. Такая взаимопроверка не только облегчает работу учителю, но и учит проверяющих лучше писать. Старшие ученики проверяют тетради младших — обоюдная польза, облегчение учителю.

В последнее время в печати подробно рассказано о коллективном способе обучения (его разработчик — красноярский учёный Виталий Кузьмич Дьяченко. — **Прим. редакции**). В отличие от коллективной формы обучения (работа в сменных парах, в бригадах), которая лишь сопутствует групповой форме, коллективный способ означает главенство коллективной формы. Он позволяет, по мнению авторов, избавиться от уравниловки (точнее — «подравниловки»), неизбежной при групповой форме, вынуждающей всех детей в конце концов двигаться в одном темпе. Смысл коллективного способа в том, чтобы каждый ребёнок, продвигаясь в своём темпе, становился учителем и контролёром ребёнка, отстающего от него. В конце концов создаются разновозрастные коллективы. Эти разработки и первоначальный опыт нам кажутся очень интересными и полезными. Главная беда (наша, а не метода) — коллективный способ разрушает привычную классно-урочную систему, а потому, полагаем, время его расцвета ещё не настало.

С. Кузьневич

Повторение и закрепление на уроке

Самопроверка

Из А. Гина: ученик поднимает в ответ на вопрос карточку — одна сторона её зелёная, другая — красная. Зелёная, если «знаю», красная — «не знаю».

Смысл в том, что ученик сам определяет знание — незнание, и в том, что неудобно постоянно поднимать красную.

Диктант «Проверяю себя» (впервые описан А. И. Кобызевым). Дети, когда пишут (под диктовку или списывая текст с пропусками букв), отмечают орфограммы, в которых сомневаются, спрашивают учителя о правильном написании. При проверке учитель учитывает только неисправленные ошибки.

«Маленькие хитрости» мастера контроля и оценки:

- Учитель вслух называет каждого поднявшего руку. Последние фамилии растягивает (интонация «незаключенности»), как бы приглашая тех, кто ещё сомневается.
- Хвалить хороший ответ нужно каждый раз другой фразой, другим словом. Учителя обычно говорят одно: «Молодец».
- Тому, кто вызвался отвечать первым, отметка на балл выше. Если этот человек дважды провалился в ответах, не спрашивать в течение определённого времени.
- При общем анализе ошибок фамилии не называть.
- Если ученик отвечает тихо, учитель громко повторяет узловые моменты, если ученик отвечает неправильно — учителю не надо повторять за ним ошибки, а попросить: «Повтори, пожалуйста». Класс тогда обратит особое внимание, и кто-то заметит ошибку.
- На проверочной работе ученику можно решать любой пример (не обязательно с первого начинать). Решил — листочек-черновик учителю. Если правильно — кивок, улыбка; незначительная ошибка — учитель

покажет, значительная — предложит вернуться к этому заданию через 10–15 минут. И ученику хорошо, и учителю по ходу урока проверяет выполнение задания, экономя время.

- Е. Ильин считает, что «безвылазно» сидящий на самостоятельных работах учитель бездарно теряет время. Ходи, помогай (кто-то не знает, как начать; кто-то написал слово — и сомневается; исправь ошибку, но потом не засчитывай её), некоторые работы по ходу дела и проверишь.
- Отметки, считает Е. Ильин, можно выставлять на следующем уроке (если на этом, эмоциональном и интересном, они «убьют» настроение, испортят впечатление).
- Можно заключить договор с учениками: будут они учить по частям, по ходу изучения темы или целиком пройдут потом, в конце. Дети обычно хотят в конце. И пройдут, если побудить: какие важные мысли учебника у нас на уроках не звучали? Многие читают, чтобы скорректировать учителя.
- Ш. Амонашвили при сложном (творческом) задании садится выполнять работу вместе с учениками. Потом вместе оценивают всех, и, кстати, работа учителя не всегда оказывается лучшей (но чаще всего всё-таки она — своеобразный эталон для учеников).

Памятка (повторение и закрепление)

Для нарушения однообразия попробуйте: варьировать несущественные признаки; вводить материал в новые связи и отношения; различные соревнования, конкурсы смотры и т.п.; индивидуализацию заданий; дать ученикам возможность выбора; найти подходящие вам виды разрядки; ознакомиться и найти подходящие для вас «маленькие хитрости» из опыта мастеров.